

О КЕРБИКОВЕ И УШАКОВЕ (ЖИВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ)

Бурно М.Е.

Бурно Марк Евгеньевич

*доктор медицинских наук, профессор кафедры психотерапии и сексологии; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия последиplomного образования» Министерства здравоохранения Российской Федерации, Баррикадная ул., 2, Москва, 125993, Россия.
Тел.: 8 (499) 252-21-04.*

E-mail: allaburno@rambler.ru

Аннотация. В статье рассказывается о личных впечатлениях автора от общения с О.В. Кербиковым, характеризовавшегося современниками как «Философ среди психиатров и психиатр среди философов». Отмечается своего рода социально-психологический акцент в оценке влияния общества на личность, в том числе и на личность психопатическую. В воспоминаниях о Г.К. Ушакове, сменившем О.В. Кербикова на должности зав. кафедрой 2-го Московского медицинского университета им. Н.И. Пирогова, автор выделяет не только широкую собственно психиатрическую эрудицию ученого, но и его выраженный интерес к медицинской психологии, этнопсихологии, истории медицинской психологии и психиатрии.

Ключевые слова: О.В. Кербиков; Г.К. Ушаков; медицинская психология; личность; социальная среда; приобретенная психопатия.

УДК 159.9(092)

Ссылка для цитирования

Бурно М.Е. О Кербикове и Ушакове (живые воспоминания) // Медицинская психология в России. – 2013. – Т. 5, № 5. – С. 4. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15040

Поступила в редакцию: 11.08.2013 Прошла рецензирование: 23.08.2013 Опубликовано: 01.09.2013

Об академике Олеге Васильевиче Кербикове (1907—1965)

Студентом 2-го Московского медицинского института им. Н.И. Пирогова (ныне — Российский государственный медицинский университет) в начале 60-х годов прошлого века слушал лекции Кербикова, его выступления на различных научных собраниях. После окончания Института (1963 г.) поступил на кафедру психиатрии этого Института целевым аспирантом, уехал по распределению в психиатрическую больницу в Калужской деревне. Читал там, кроме всего прочего, лекции санитарам и санитаркам по психиатрии. Написал Кербикову об этом, как полагалось, открытку, и мне передали, что она ему понравилась. Моя целевая аспирантура «сгорела» после нелепого ухода Кербикова из жизни в 58 лет по причине диабетической комы.

Артистическое отчётливо сказывалось в живой жизни и научных работах этого необыкновенного психиатра, почти равного Снежневскому — для подавляющего большинства наших коллег в ту пору.

Артистизм (виртуозность) Кербикова (может быть, с некоторой демонстративностью), по-моему, обнаруживался даже в широчайшем диапазоне его научных занятий: от

гистопатологических и иммунологических исследований в психиатрии до работ о подробностях шизофренической психотики и работ об истории психиатрии. Например, замечательного психиатра Павла Петровича Малиновского Кербики в работе о нём «хотел бы вернуть из мрака забвения». Такая выразительность в научной статье была необычной в те времена. А тут виделось, что автор переживает. Артистизм сказывался, конечно, и в живых лекциях студентам, в ярких цитатах, которые приводил лектор, в беседах с больными на лекциях. Мы слушали на лекции о нарушениях чувственного познания известное ленинское положение («от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»), и нам не приходило в голову, что всё тут (и в философии, и в психиатрии), может быть, гораздо сложнее. Лекция впечатляла прежде всего тем, что психиатр мыслит философски, хотя и, чаще, цитатами. А лектор уже пересказывал Гельвеция. Дама и монах смотрят в телескоп на одно и то же место на Луне. Дама говорит: «Это счастливые любовники». А монах: «Это две соборные колокольни». И, казалось, после этого так понятна психиатрия. Злые языки известных клиницистов (сам слышал) даже говорили о Кербикове: «Философ среди психиатров и психиатр среди философов». Артистизм Кербикина обнаруживался и в том, как, например, умело-мастерски вывернул он веко девушке-лаборанту на кафедре и удалил застрявшее в окружении сотрудников, не сумевших этого сделать. Артистизм сказывался и в том, как Кербикин рассказывал о своём общении с любимым псом (кажется, догом) на даче. Артистизм, наконец, обнаруживался и в подчёркнутом малоговорении Олега Васильевича, его паузах с несколько напряжённым разглядыванием собеседника.

Кербикин был главным учёным секретарём АМН СССР (1963—1965 г.г.), заведующим кафедрой психиатрии 2-ого Московского медицинского института им. Н.И. Пирогова (1952—1965 г.г.), одновременно — ректором этого же Института (1956—1958 г.г.). Думаю, что на такого учёного, как он, Власть не могла бы посердиться, как сердилась на М.О. Гуревича, А.С. Шмарьяна, Л.Л. Рохлина, Г.Е. Сухареву (известная псевдопавловская сессия 1951 г.). Умный, гибкий человек, Кербикин тонко чувствовал, понимал эту Власть, будучи сам одним из обвинителей в этой сессии (вместе со Снежневским, Банщиковым, Стрельчуком) в то идеологически строгое, страшноватое сталинское время, и его мысли счастливо и даже с известной допустимой оригинальностью, артистизмом совпадали с политикой государства. Скорее всего, у него не было даже внутренних душевных конфликтов с Властью. Так, в соответствии со своей концепцией приобретённой психопатии (помню эти дискуссии О.В. Кербикина с Г.Е. Сухаревой и Л.Л. Рохлиным уже в «оттепель», 60-е годы). Олег Васильевич, думается, не просто был научно увлечён, подобно, например, некоторым западным психоаналитикам, идеей о том, что психопата (а не только человека с патологическим развитием личности), в основном, делает дурное воспитание (то есть среда). Он, по-моему, исходя из его душевного склада, верил (хотя, может быть, и двойственно) в то, социалистическая сознательность происходит, прежде всего, из социалистического воспитания.

Олег Васильевич Кербикин, убеждён, сделал своё немалое, талантливое дело в истории нашей психиатрии. Я благодарен ему за лекции, за его взволнованные научные работы. Это помогло мне понять, прочувствовать, что, даже слушаясь советскую власть и служа ей, можно быть интересным, даже оригинальным психиатром, насущно помогать душевнобольным, заботиться о своих сотрудниках, помогать нам, психиатрам, погружаться в сравнительно мало изученную историю отечественной психиатрии, рассказывать врачам то, психиатрически-заморское, что они не знают (не могли тогда достать, прочесть). Кербикин ещё и знал французский.

Выразительные, артистичные научные работы Кербикина побуждают психиатра, даже в чём-то не согласного с автором, размышлять — и яснее становится собственное отношение к делу.

Школа Ганнушкина чувствуется и в историях болезни, созданных рядом с больным, в книге О.В. Кербикова «Острая шизофрения» (1949), к примеру: «Многоречив, непрерывно говорит, переходя с одной темы на другую. Настроение повышенное, эйфоричен, подвижен, встаёт, жестикулирует, напевает. Считает себя великим человеком. (...) «Сила идёт из ног, мышцы напрягаются, какая-то крышка снимается с головы, и новые мысли рождаются одна за другой без всякого напряжения мозга. Язык сам говорит. Всю силу обязательно нужно в кулак взять». Показывает, как он управляет своей силой: встаёт, делает движения руками, с силой сжимает кулак, торжественно восклицает: «Сила пробудилась». Торжественным тоном нараспев говорит: «Дайте овладеть техникой, и я брошу всё к ногам Родины». «Хочется орденов, почестей. Пойте все весёлую песню, стройте широкие дороги, выходите из рамок!» Он выработал в себе стальную силу, он был «в экстазе, и в это время рождались такие мелодии, такая музыка, а любовь какая!! Красота какая!» Видел рай: «На стене маленькое сияньице, из глаз искры в стену бьют» (с. 72).

О профессоре Геннадии Константиновиче Ушакове (1921—1981)

После ухода из жизни О.В. Кербикова в 1965 г. кафедрой психиатрии 2-ого Московского медицинского института им. Н.И. Пирогова стал заведовать профессор Г.К. Ушаков. Я его прежде не знал. Уже работая в Московском психоневрологическом диспансере № 2 одновременно в психотерапевтическом и наркологическом кабинетах, попросился к Ушакову в соискатели (диссертанты). Помнится, пожилой задушевный доцент кафедры Павел Нилович Ягодка, провожая меня тогда в кабинет к Ушакову, сказал тихо: «Он, кажется, хороший человек, правда, много говорит...» Это было, конечно, печальным сравнением с выразительно малословным Кербиковым. Вся кафедра переживала эту трагедию и ещё не привыкла к новому заведующему. Но в беседе с Ушаковым, в его, действительно, многоговорении почувствовал естественность, душевное тепло, открытость, то, чего не было в Кербикове. Малословный Кербиков был артистичен и внутренне выразительно холодноват,

напряжён. Ушаков был широк, прост, сердечно-реалистичен, и отношение к «социальной среде» было у него совсем иное. Позднее читал в Ленинской библиотеке его докторскую диссертацию «Материалы к исследованию этиологии и патогенеза эндогенных психозов» (1961). При всей нестройности, рыхлости изложения там было несомненное уважение к личностной почве, почве вообще, учению Эрнста Кречмера. Но в день первой нашей встречи я этого ещё не знал. Ушаков сразу же согласился руководить моим диссертационным клиническим исследованием о людях, особенно предрасположенных к алкоголизму. Я ведь сам предложил ему эту свою тему, тревожась, что она против главенства среды. А Ушаков стал подробно говорить о том, в каких странах больше алкоголиков, именно исходя из национально-психологических природных особенностей людей. Да и в «Медицинской психологии» (последнее издание — 1984 г.) — учебнике, написанном им вместе с профессором Надеждой Дмитриевной Лакосиной, медицинская психология понимается не как часть теоретической науки психологии, а как область медицины, врачевания, понятная всем медикам своим естественно-научным, кречмеровски-ганнушкинским врачебным подходом.

Ушаков ничего не изменил в моей диссертации, он не нарушал, не засушивал, не формализовал и стиль диссертации, моих статей (это делали со статьями сотрудники Корсаковского журнала). Геннадий Константинович даже радовался моему не формализованному стилю и мою статью «К истории русской характерологии (XVIII век)» (1969) со старинными цитатами дружелюбно-тепло называл «виршами». О моей

диссертации мы вообще мало с ним говорили, кроме как в первую встречу. Он доверял мне не только по диссертации. Занимая высокие посты в Учёном медицинском совете Минздрава СССР, посещая многие годы Германскую демократическую республику (зная немецкий язык, изучал и публиковал работы по истории психиатрии в ГДР), он так откровенно, волнуясь, говорил (и не только мне) о безнадёжной отсталости, неразвитости нашей медицины, что я, тревожась за него, не мог понять, почему Власть доверяет ему начальническую министерскую работу, дружбу с немцами, хотя и демократическими. Уже сейчас предполагаю, что Власть, должно быть, чувствовала безопасность Ушакова для себя, поскольку, к сожалению, этот скромный, сердечный работяга-профессор был, особенно в последние годы жизни, болен алкоголизмом. Это так досадно обнаруживалось даже в Министерстве, где мы изредка встречались, и он бывал тогда в запое. Всё это соединялось с его кипучей разнообразной деятельностью, о которой здесь не пишу, поскольку это было уже в стороне от меня. И ещё при этом он в течение многих лет успевал поздравлять меня и моих близких открыткой со всеми праздниками. Я не осмеливался предложить Ушакову свою врачебную помощь. Это было бы тогда для меня дико. А сейчас чувствую свою вину. От алкоголизма и крепкого курения в борьбе с похмельем сердце сдало в 60 лет.

В 1969 г. в диспансере, где я тогда работал, праздновалась кафедрой и диспансером защита моей кандидатской диссертации. Я сидел в зале за длинным столом, как полагалось, рядом с моим научным руководителем. У меня от волнения упала на пол вилка. Геннадий Константинович не дал мне её поднять. Поднял сам и попросил санитарку заменить вилку на чистую. Это произошло так просто, сердечно, почти по-родственному. Этого не забудешь.

About Kerbikov and Ushakov (live reminiscences)

Burno M.E.

E-mail: allaburno@rambler.ru

*Russian Medical Academy of Postgraduate Education
2 Barrikadnaya str., Moscow, 125993, Russia
Phone: (499) 252-21-04*

Abstract. The paper tells about the author's personal impressions of dealing with O.V. Kerbikov, who was described by his contemporaries as "a philosopher among psychiatrists and a psychiatrist among philosophers". It mentions a kind of social and psychological accent in evaluating the influence of society on a personality including a psychopathic personality. In the memoirs of G.K. Ushakov who became the head of the department of the second Pirogov Moscow Medical University, the author reveals the scientist's extensive knowledge of psychiatry and his manifest interest in medical psychology, ethnic psychology, history of medical psychology and psychiatry.

Key words: O.V. Kerbikov; G.K. Ushakov; medical psychology; personality; social environment; acquired psychopathy.

For citation

Burno M.E. About Kerbikov and Ushakov (live reminiscences). *Med. psihol. Ross.*, 2013, vol. 5, no. 5, p. 4. doi: 10.24411/2219-8245-2013-15040 [in Russian, abstract in English].